

П.В. ПАНОВ*

**СПЕЦИФИКА СТОЛИЧНЫХ ГОРОДОВ
В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ ЛАНДШАФТЕ РЕГИОНОВ
РОССИИ: ВАРИАТИВНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
ДИСПОЗИЦИИ «ЦЕНТР – ПЕРИФЕРИЯ»¹**

Аннотация. Особое положение столичных городов в региональном пространстве находит выражение и в электоральной сфере. Как правило, в административных центрах субъектов РФ партия власти и ее кандидаты получают меньшую поддержку, чем на остальной части региона («периферии»). Вместе с тем степень специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов оказывается очень разной. В данной работе предпринята попытка объяснить эту вариативность с точки зрения концепции «центр – периферия». Эмпирическим материалом для исследования стали федеральные выборы 2016–2018 гг., а именно разница в голосовании за «Единую Россию» и инкумента между столичным центром и периферией в кросс-региональном измерении. Для выявления структуры центров в регионе использованы разнообразные социально-экономические показатели, характеризующие соотношение столицы и периферии. Анализ, выполненный методом линейной регрессии, показал, что ключевое влияние на специфику голосования столиц имеет степень рурализации периферии, тогда как наличие на периферии больших городов и даже крупных экономических центров оказалось несущественным. Весомое воздействие на степень специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов оказывает региональный

* **Панов Петр Вячеславович**, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН, e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания; номер государственной регистрации темы «Политические институты и процессы в современном территориальном и социокультурном контексте» АААА-А19-119032590065–5

© Панов П.В., 2024

DOI: 10.31249/poln/2024.01.03

режим. Голосование на президентских выборах в России более равномерное, чем на парламентских, и не только в кросс-региональном измерении, но и в рамках одного региона, в том числе между столицей и периферией. В результате на президентских выборах выявленные тенденции проявляются намного слабее, чем на парламентских.

Ключевые слова: регион; столица; центр; периферия; выборы; сравнительный анализ.

Для цитирования: Панов П.В. Специфика столичных городов в электоральном ландшафте регионов России: вариативность с точки зрения диспозиции «центр – периферия» // Политическая наука. – 2024. – № 1. – С. 76–97. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.03>

Введение

Являясь институциональными и символическими центрами, «столицы» субъектов РФ занимают особое положение в региональном пространстве. Помимо того что в них расположены органы государственной власти, в России в подавляющем большинстве случаев региональные столицы являются еще и экономическими, и культурными центрами. Здесь находятся крупные промышленные предприятия, банки, больницы, театры, высшие учебные заведения и т.п. Такая специфика находит отражение и в электоральной сфере. Принято считать, и это подтверждается эмпирически, что в столичных городах «Единая Россия» как партия власти и ее кандидаты получают на выборах меньше поддержки, чем на остальной части региона («периферии»), и именно «центричность» столичных городов представляется вполне резонным тому объяснением.

Тем не менее степень специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов оказывается очень разной, а в некоторых случаях она и вовсе отсутствует. В данной работе, опираясь на концепцию «центр – периферия», предпринята попытка ответить на вопрос, в какой мере эту вариативность можно объяснить степенью «центричности» региональных столиц, а именно кросс-региональными различиями в структуре отношений между центром и периферией.

Российские выборы под углом зрения концепции «центр – периферия»

Концепция «центр – периферия» используется для анализа «структурирования политического пространства, в ходе которого выделяются центры (ядра), с которыми связаны определенная активность, определенные процессы и, соответственно, периферии» [Туровский, 1999, с. 105]. По определению Э. Шилза, центр «обозначает тот сектор общества, где некоторые обладающие особой значимостью виды деятельности и функции наиболее сконцентрированы или более интенсивно осуществляются, чем в других секторах, и который в большей степени, чем другие сектора, является фокусом внимания, озабоченности, почтения и подражания» [цит. по: Каспэ, 2007, с. 31]. Таким образом, та или иная диспозиция «центр – периферия» складывается в результате пространственной неравномерности распределения различных ресурсов: политико-административных, социально-экономических, социокультурных.

Вместе с тем, поскольку ресурсы «центричности» разнообразны, отношения «центр – периферия» могут рассматриваться под углом зрения разных концепций (инновационная, управленческая, социально-экономическая, историческая), каждая из которых делает акцент на соответствующей разновидности «центричности». Так, управленческий центр предполагает концентрацию политико-административных ресурсов, социально-экономический – экономических, инновационный – это «место, в котором происходит выработка своих собственных инноваций» [Туровский, 1999, с. 108].

В центре внимания данной работы – столицы субъектов РФ, которые по определению являются политико-административными центрами регионов, то есть по степени управленческой «центричности» они примерно одинаковы. Следовательно, вариативность специфики региональных столиц в электоральном ландшафте регионов может объясняться их различиями с точки зрения социально-экономической «центричности» по отношению к региональной периферии. В этом отношении можно выделить как общие черты региональных столиц, так и существенные различия.

Общее состоит прежде всего в том, что все региональные столицы являются городами, а в современном мире именно в городах сосредоточиваются не только материальные, но и человеческие ресурсы, что делает их центрами модернизации экономики и

человеческого капитала [Зубаревич, 2010]. Городская среда более насыщена в социокультурном и информационном отношении, городские жители более образованны и более благополучны в экономическом плане. Люди в городе более мобильны, у них значительно больше социальных контактов и связей. Все это делает городских жителей более самостоятельными и более притязательными, более критически мыслящими, в том числе в отношении власти. Не удивительно, что на протяжении многих лет прослеживается негативная статистически значимая (на уровне 0,01) корреляция между долей городского населения в регионах и голосованием за партию власти / кандидата власти (см табл. 1). Столичные города, разумеется, тоже вносят свой «вклад» в эту взаимосвязь.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции

Корреляция между долей городского населения в регионе и голосованием за партию власти / кандидата власти				
	2007–2008	2011–2012	2016–2018	2021
Дума	-0,557**	-0,565**	-0,515**	-0,455**
Президент	-0,462**	-0,543**	-0,418**	
Корреляция между долей столичного города в населении региона и голосованием за партию власти / кандидата власти				
	2007–2008	2011–2012	2016–2018	2021
Дума	-0,394**	-0,284**	-0,322**	-0,317**
Президент	-0,260**	-0,416**	-0,335**	

Источник: данные автора.

Дополнительное объяснение этого связано с особенностями электоральной мобилизации в условиях электорального авторитаризма, а именно с работой политических машин – организационных структур, которые координируют различные способы непрограммной мобилизации избирателей – от административного давления и покупки голосов до персональных поощрений и использования личных связей [Banfield, Wilson, 1965; Scott, 1969]. Такие организации обнаруживаются в самых разных политических режимах и контекстах, однако в условиях ограниченной конкуренции, характерной для электорального авторитаризма, ресурсы политических машин в значительной мере сконцентрированы в руках партии власти. При этом хорошо известно, что политические машины работают более успешно среди относительно бедных и

менее образованных категорий населения [Jensen, Justesen, 2014; Schaffer, 2007], а также в сельских сообществах, где слабая социальная мобильность сопровождается высокой плотностью социальных связей [Ravanilla et al., 2022; Hicken, Nathan, 2020].

Как представляется, эти два объяснения (условно «модернизационное» и «мобилизационное») не противоречат, а дополняют и, соответственно, усиливают друг друга. На этом фоне выглядит неожиданным, что несмотря на корреляцию между долей городского населения и голосованием за партию власти / кандидатов власти, в большинстве кросс-региональных сравнительных исследований, где тестируются статистические модели голосования с несколькими предикторами, переменная доля городского населения, хотя и имеет негативные значения коэффициентов, редко оказывается статистически значимой [Obydenkova, Libman, 2013; Panov, Ross, 2019]. Частично это можно объяснить тем, что политические машины научились работать и в городской среде, успешно проводя электоральную мобилизацию на рабочих местах в бюджетных организациях, на крупных предприятиях, где их агентами выступают руководители разного уровня [Frye et al., 2014].

Кроме того, если посмотреть на электоральное поведение через призму стандартной модели экономического голосования, более благополучные в экономическом отношении группы населения (а городские жители в целом более благополучны, чем сельские) должны голосовать скорее за партию власти / кандидатов власти, а не против. Иначе говоря, экономический подход к объяснению голосования формирует противоположные по сравнению с «модернизационным» и «мобилизационным» теоретические ожидания. И, как показывают некоторые исследования, частично эти ожидания подтверждаются [Щербак, Сенников, Лисовский, 2013; Туровский, Гайворонский, 2017]. Действительно, электоральное поведение находится под влиянием разных факторов, и нередко они действуют в противоположных направлениях, в частности, одни «благополучные горожане» голосуют за партию власти («экономически»), а другие против («критически»). В результате при включении в статистические модели такого фактора, как благополучие, доли городского и столичного населения в регионе могут терять статистическую значимость. Тем не менее, поскольку эти показатели коррелируют с голосованием за партию власти / кандидатов власти отрицательно, это дает основание полагать, что

в российской практике превалирует все же «критический» вариант, то есть центр-периферийная («модернизационная») версия имеет большую объяснительную силу, нежели экономическая, хотя последнюю нельзя не учитывать.

Имея общие черты, столичные города в то же время существенно различаются по своим социально-экономическим характеристикам, а регионы – по структуре отношений между их столичными центрами и перифериями. Как подчеркивает Н.В. Зубаревич, «Различия по регионам только отчасти объясняют социальную дифференциацию страны. Многое становится более понятным, если сменить ракурс и использовать другой критерий – центр-периферийный. В этом случае рассматривается иерархическая система населенных мест: от крупнейших городов к менее крупным, малым и к сельской периферии. Важнейший критерий разделения – численность населения. “Размер имеет значение”, поскольку эффект концентрации (агломерационный эффект) объективно ускоряет модернизацию» [Зубаревич, 2012, с. 139–140]. Опираясь на этот тезис, автор выдвинула концепцию «четырех России»: «Россия-1» – модернизированные крупные города с населением более 500 тыс. человек; «Россия-2» – жители городов с населением от 50 до 250 тыс. человек (города от 250 до 500 тыс. жителей занимают промежуточное положение между первой и второй группами); «Россия-3» – периферия, которая включает жителей села, многочисленных поселков городского типа и малых городов¹. Особая категория – «Россия-4», это республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва и Алтай), где по разным причинам центр-периферийный градиент выражен слабее.

Нельзя не заметить, что именно для «России-1» характерны такие признаки, как высокий уровень жизни, образования, массовое использование Интернета, широкий выбор рабочих мест и потребительских возможностей, приток молодежи из периферии и т.д., то есть те характеристики, которые используются для «модернизационного объяснения» специфики электорального поведения в городах. Однако подавляющая часть городов России (более

¹ По стандартной классификации все города делятся на малые (население до 50 тыс. человек), средние (до 100 тыс. человек), большие (до 250 тыс. человек), крупные (до 500 тыс. человек) и крупнейшие (более 500 тыс. человек в том числе «миллионники»). Таким образом, «Россия-1» – это крупнейшие города, «Россия-2» – средние и большие, «Россия-3» – малые и сельская периферия.

70%) – это относительно небольшие населенные пункты (менее 50 тыс. жителей), по характеру жизнедеятельности мало чем отличающиеся от сельских поселений («Россия-3»), то есть сам по себе статус города отнюдь не делает населенный пункт центром модернизации. Более того, из 79 региональных столиц только 34 в 2016–2018 гг. (период данного исследования), то есть менее половины, имели население более 500 тыс. человек, а в 17 столицах население составляло менее 250 тыс. человек, в том числе в 8 из них – менее 100 тыс. человек¹. Следовательно, политико-административная «центричность» региональных столиц далеко не всегда сопровождается высоким модернизационным потенциалом.

Вместе с тем и периферия в регионах России очень разная. Даже в тех случаях, когда столичный город является достаточно крупным, на периферии могут быть и другие большие города, которые (как минимум потенциально) являются центрами модернизации, а порой и «конкурентами» столицы: Тольятти в Самарской области, Магнитогорск в Челябинской и т.д. Череповец в Вологодской области, крупный центр металлургии, имеет население даже несколько больше, чем столица, а Новокузнецк в Кемеровской – почти такое же. Еще более яркие примеры – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО, где столицы по населению многократно уступают другим городам (Сургут, Нижневартовск, Новый Уренгой), которые выросли как центры нефтегазодобывающей индустрии.

Подобная ситуация концептуализируется в известной роккановской дихотомии «моноцефальность versus полицефальность»: «Моноцефальное территориальное образование – это такая структура, в которой в соответствии обоим определениям центра и по всем трем измерениям дифференциации (политическому, экономическому, культурному) имеется заметное первенство только одной области, или даже только одного города. Напротив, полицефальность означает более ровное, более однородное распространение признаков центрального положения по всей территории, и, возможно, пространственную сегментацию различных типов обладателей ресурсов, цепь функционально различных центров, каждый из которых обладает своим собственным профилем элитных групп» [Роккан, Урвин, 2003, с. 121].

¹ Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2018. Стат. сб. / Росстат. М., 2018.

Таким образом, опираясь на концепцию «центр – периферия» можно выдвинуть гипотезу, что вариативность по степени специфики региональных столиц в электоральном пространстве регионов вызвана различиями в структуре отношений между столичными центрами и периферией:

Чем ближе структура центров к моноцефальной, тем больше будет специфика столицы в электоральном ландшафте региона, и наоборот.

Эмпирическая база исследования, переменные и гипотезы

Эмпирической базой для исследования были итоги голосования за партию власти («Единая Россия») и кандидата власти (В.В. Путина) в электоральном цикле 2016–2018 гг. Этот цикл представляется наиболее уместным для решения поставленной задачи, поскольку выборы проходили в относительно стабильной по сравнению с 2011–2012 гг. политической ситуации, а также в отсутствии какие-то сильных «специфических» для отдельных регионов внешних факторов, способных существенно повлиять на результаты. Исключение – голосование в Крыму и Севастополе, которые только что вошли в состав России. По этой причине данные регионы исключены из анализа, как и четыре других субъекта РФ (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), в которых диспозиция «центр – периферия» в явном виде отсутствует. Таким образом, общее количество наблюдений составляет 79.

Зависимая переменная – разница в голосовании за ЕР / инкумбента между столичным центром и региональной периферией (*ЕР-разн* и *Инк-разн*). Для того, чтобы вычислить значения зависимой переменной, на основании официальных данных ЦИК¹ были отдельно рассчитаны доли голосов, полученных ЕР / инкумбентом в столичных центрах и на остальной части территории региона (периферии), а затем из второго значения было вычтено первое. Таким образом разница оказывается положительной в тех случаях, когда столица, в соответствии с теоретическими ожиданиями, го-

¹ Официальный сайт ЦИК РФ. – Режим доступа: <http://www.izbirkom.ru/region/izbirkom> (дата посещения: 14.02.2023).

лосует хуже за ЕР / инкумбента, чем периферия. Действительно, только в трех случаях ЕР-разн принимает отрицательные значения: Ставропольский и Забайкальский края (но здесь разница близка к нулевой: $-0,36\%$ и $-0,43\%$) и Северная Осетия ($-3,83\%$). В 35 регионах значение ЕР-разн, напротив, более 10% , самое высокое в Липецкой области ($28,1\%$).

Президентские выборы в этом отношении заметно отличаются. Отрицательные значения Инк-разн обнаруживаются в 13 регионах (правда, разница более 3% – только в четырех случаях (в том числе максимальная « $-7,26$ » в Ставропольском крае), тогда как положительная разница более 10% – лишь в четырех субъектах РФ, и максимальное значение намного меньше, чем в случае ЕР-разн (12% в Ингушетии). Это говорит о том, что результаты голосования за Путина в пространстве региона значительно более ровные, чем за ЕР.

Независимые переменные. Для того чтобы измерить структуру центров регионального пространства, были взяты несколько показателей¹. Во-первых, была рассчитана доля столицы в населении региона (*Столица-доля*). Это представляется более валидным для данного исследования, чем, например, численность населения столицы, поскольку характеризует не столицу как таковую, а ее размер относительно всего региона. Второй индикатор, наоборот, характеризует структуру центров с точки зрения периферии. Учитывая, что на периферии могут быть города как иные (потенциальные) центры, была рассчитана доля сельского населения на периферии (*Периферия-сел*). Предполагается, что чем выше значения обоих показателей, тем ближе структура центров к моноцефальной.

В-третьих, поскольку на периферии могут быть не просто города, а большие города, которые обладают потенциалом «центричности», был взят такой показатель, как доля населения, проживающего на периферии в городах с населением более 100 тыс. человек (*Периферия-100гор*). Население всех городов в регионе

¹ Значения всех показателей рассчитаны на основании официальных данных Росстата: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. Стат. сб. / Росстат. М., 2019; Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2020. Стат. сб. / Росстат. М., 2020.

численностью более 100 тыс. человек (без столичного города) было суммировано и поделено на численность населения периферии¹.

В-четвертых, в соответствии с концепцией «четырех Рос-сий», модернизационным потенциалом обладают не просто большие, а крупные города, с населением более 250 тыс. человек, которые потенциально относятся к «России-1» или близки к ней (занимают промежуточное положение). Однако, как уже отмечалось выше, не все столицы относятся к крупным городам, и на периферии они есть только в 10 из 79 регионов, так что простая кодировка через долю населения в данном случае не имеет смысла. Вместе с тем в нескольких регионах на периферии есть города, которые по численности населения превосходят или примерно равны региональной столице, и это тоже имеет существенное значение для определения структуры центров, независимо от численности населения городов: Ингушетия, ЯНАО, ХМАО, Вологодская и Кемеровская области. При этом в трех последних случаях другие города (Сургут, Череповец и Новокузнецк) имеют население более, чем 250 тыс. человек, то есть по этому критерию они соответствуют «России-1» и являются явными конкурентами столице с точки зрения «центричности».

Чтобы учесть все эти параметры (категория столичного города, наличие на периферии крупных городов и преобладание периферийных городов над столицей по населению), был создан порядковый композитный индекс *Круп-города* из двух составляющих (см. табл. 2). Максимальное значение Круп-города («6») принимает в 7 случаях (Воронежская, Нижегородская, Новосибирская, Омская и Ростовская области, Красноярский и Пермский края), минимальное («0») – только в ХМАО. Гипотетически, чем выше значение обоих компонентов и суммарное значение Круп-города, тем ближе структура центров к моноцефальной, и тем больше должна быть

¹ В некотором смысле это «обратный» показатель по отношению к Периферия-сел, однако они отнюдь не тождественны, так как городское население на периферии может проживать в малых и средних городах, и это подтверждается тем, что корреляция между ними средняя по силе ($-0,498^{**}$). При этом нельзя не отметить, что Периферия-100гор принимает значения более «0» только в 36 регионах, в остальных субъектах РФ больших городов на периферии нет. Более того, в пяти регионах (Чукотка, Ненецкий АО, Алтай, Еврейская АО и Магаданская обл.) даже у столичного города население менее 100 тыс. человек.

разница между столицей и периферией в голосовании за партию власти / кандидата власти.

Таблица 2

Кодировка композитного индекса «Круп-города»

Столица		Периферия	
0	Менее 250 тыс. человек	0	Есть города с населением более 250 человек, и оно больше или почти такое же, как в столице
1	От 250 тыс. чел. до 500 тыс. человек	1	Есть города с населением больше, чем в столице, но оно меньше 250 тыс. человек
2	От 500 тыс. чел. до 1 млн. человек	2	Есть города с населением более 250 человек, но это меньше, чем в столице
3	Более 1 млн. человек	3	Нет городов с населением более 250 тыс. человек

Наконец, необходимо учесть феномен «России-4». По словам Н.В. Зубаревич, для республик Северного Кавказа и Южной Сибири центр-периферийная диспозиция теряет объяснительную силу, поскольку здесь не завершены ни демографический переход, ни процесс урбанизации. Население городов растет довольно большими темпами за счет перемещения в них сельских жителей, но в них «мало городского образованного среднего класса, и он вымывается, мигрируя в другие регионы, где жить более комфортно» [Зубаревич, 2012, с. 148]. По этой причине в исследование была добавлена дихотомическая переменная *Россия-4*: значение «1» для регионов Северного Кавказа и Южной Сибири, и «0» для остальных субъектов РФ. При такой кодировке ожидается, что «Россия-4» будет негативно влиять на значения ЕР-разн и Инк-разн.

Далее следует подчеркнуть, что показатели, предлагаемые для измерения структуры центров в регионе, далеко не совершенны, поскольку основываются на сугубо демографических данных, тогда как «центричность» городов, очевидно, определяется не только размерами населения, но и иными параметрами. Из разнообразных данных по социально-экономическим характеристикам городов были отобраны два индикатора. Первый – среднемесячная номинальная заработная плата работников организаций столичного города за 2017 г.¹ Достоинство этого показателя в том, что аналогичный показатель рассчитывается и для субъектов РФ, поэтому

¹ База данных показателей муниципальных образований. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/bd_munst/munst.htm (дата посещения: 14.02.2023).

значения среднемесячной зарплаты в столице были взвешены и представлены в процентах к региональным значениям (*ЗП-соотн*). В подавляющем большинстве случаев это более 100% (больше всего – Ростовская область, 142,5%), только в трех регионах – Якутия, Ненецкий АО и Ингушетия – среднемесячная зарплата в столице ниже регионального значения. В двух первых случаях это связано с тем, что наиболее крупные и успешные предприятия находятся на периферии, а в Ингушетии столица Магас – новый город, где промышленность практически отсутствует.

Второй показатель (*Столица-уст.развитие*) – комплексный индекс устойчивого развития столичных городов, который ежегодно рассчитывает ООО «Агентство Эс Джи Эм» на основе 42 статистических показателей, характеризующих развитие города по пяти основным блокам: состояние экономики, городская инфраструктура, демография, социальная инфраструктура, экология. Данные взяты за 2017 г.¹

Сочетание этих двух показателей в данном случае представляется оптимальным, так как они характеризуют не только социально-экономический ракурс соотношения столицы и периферии, но имеют смысл и с точки зрения экономической модели голосования, которую необходимо учитывать как альтернативное объяснение: *ЗП-соотн* может быть индикатором оценки столичными избирателями своего собственного экономического положения («эгоцентрическая» версия экономического голосования), а *Столица-уст. развитие* – индикатором оценки развития города в целом («социотропная» версия).

Контрольные переменные. В качестве контрольных переменных использованы показатели, характеризующие политическую специфику субъектов РФ. Прежде всего, следует контролировать региональный политический режим – параметр, по которому регионы России весьма существенно различаются [Гайворонский, 2015; Saikkonen, 2016]. По классификации М. Говарда и Ф. Ресслера [Howard, Roessler, 2006] их можно расположить в континууме от гегемонистского до конкурентного авторитаризма.

¹ Рейтинг устойчивого развития городов. – Режим доступа: <https://www.agencysgm.com/ratings/> (дата посещения: 14.02.2023). По аналогичной методике рассчитывается и рейтинг устойчивого развития регионов, однако он представлен только в форме рейтинга, без значения индексов, что не позволяет взвесить *Столица-уст.развитие* региональными показателями.

В гегемонистском режиме региональная власть практически полностью контролирует политический процесс, однако поскольку полный контроль все же невозможен, можно предположить, что он будет более результативным на периферии, нежели в столице, так что значения *ЕР-разн* и *Инк-разн* в более жестких региональных режимах должны быть выше.

Для измерения степени конкурентности регионального политического режима были использованы результаты выборов региональных парламентов в период 2013–2017 гг., что соответствует периоду, который анализируется в данной работе. Преимущество региональных выборов в том, что они более точно характеризуют специфику регионального политического режима, так как позволяют учесть не только итоги голосования по партийным спискам (эффективные числа партий), но и степень конкурентности в мажоритарных округах (через долю конкурентных округов) [Ross, Panov, 2019]. Для сопоставимости степени конкуренции по двум этим компонентам ЭЧП по партийным спискам были нормированы от 0 до 1, а пропущенные значения по мажоритарным округам (в регионах, где только на выборах парламентов используется пропорциональная система) были заполнены на основе средних значений двух соседних случаев. Затем два показателя были перемножены, а чтобы нивелировать вероятное смещение из-за замены пропущенных значений, полученные результаты были трансформированы в ранговую шкалу от «1» (наиболее жесткий авторитаризм) до «10» (наиболее конкурентный авторитаризм).

Во-вторых, резонно предположить, что на *ЕР-разн* и *Инк-разн* может оказывать влияние степень автономности столицы относительно региона. Измерить ее, однако, весьма проблематично, поскольку стандартные социально-экономические показатели, такие, например, как доля трансфертов в городском бюджете, для данной цели представляются не вполне валидными. Поэтому в качестве аппроксимации был использован такой показатель, как способ рекрутирования мэра столичного города. Можно предположить, что, при прочих равных условиях, избранные на прямых выборах главы будут более самостоятельны относительно региональной власти, и это может усиливать специфику голосования в столице. Несмотря на то что количество муниципалитетов, где глава избирается, в России неуклонно сокращается, в 2016 г. выборность мэров сохранялась в восьми региональных столицах (Калинин-

градская, Кемеровская, Новосибирская, Томская и Сахалинская области, Хабаровский край, Якутия и Хакасия), к 2018 г. – в шести (из этой категории выпали Сахалинская и Калининградская области) [Казанцев, Румянцева, 2020]¹.

Таким образом, гипотетически положительное влияние на специфику голосования за партию власти / кандидатов власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией должны оказывать шесть из девяти независимых и контрольных переменных: Столица-доля, Периферия-сел, Круп-города, ЗП-соотн, Столица-уст.развитие и Столица-выбор-мэр. Остальные три переменные (Периферия-100гор, Россия-4 и Регион-режим), как ожидается, оказывают негативное воздействие. Описательная статистика по всем переменным представлена в табл. 3.

Таблица 3

Описательная статистика

	N	Минимум	Максимум	Диапазон	Среднее	Ст. откл.
ЕР-разн	79	-3,83	28,10	31,93	9,93	7,30
Инк-разн	79	-7,26	12,05	19,31	2,91	4,02
Столица-доля	79	0,84	69,18	68,34	36,52	11,75
Периферия-сел	79	8,19	100,00	91,81	47,46	17,62
Периферия-100гор	79	0,00	50,12	50,12	11,26	14,03
Круп-города	79	0	6	6	4,06	1,21
Россия-4	79	0	1	1	0,10	0,30
ЗП-соотн	79	94,94	142,48	47,54	121,61	9,88
Столица-уст. развитие	72	0,40	0,67	0,27	0,52	0,05
Регион- режим	79	1	10	9	3,92	2,31
Столица-выбор-мэр (2016)	79	0	1	1	0,10	0,30
Столица-выбор-мэр (2018)	79	0	1	1	0,08	0,27

Результаты анализа

Для анализа использован метод множественной линейной регрессии (МНК). Для каждой из двух зависимых переменных были построены три модели. В первую включены только первые пять не-

¹ Кроме прямых выборов, в настоящее время глава столичного города может быть рекрутирован по конкурсу либо избран депутатами из своего состава. Различие между двумя последними моделями для данного исследования несущественно.

зависимых переменных, во вторую добавлены два социально-экономических показателя столичных городов, в третью модель – контрольные переменные. Результаты анализа представлены в табл. 4.

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа

	ЕР-разн			Инк-разн		
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)	Est (St.Er.)
Столица-доля	0,031 (0,082)	0,115 (0,091)	0,157[*] (0,086)	-0,051 (0,049)	0,006 (0,051)	0,005 (0,050)
Периферия-сел	0,220^{***} (0,055)	0,251^{***} (0,057)	0,218^{***} (0,054)	0,099^{***} (0,033)	0,115^{***} (0,033)	0,102^{***} (0,032)
Периферия-100гор	-0,015 (0,067)	-0,028 (0,071)	-0,031 (0,065)	-0,001 (0,040)	0,014 (0,040)	0,008 (0,040)
Круп-города	-0,394 (0,697)	-0,113 (0,941)	-0,479 (0,887)	-0,362 (0,420)	-0,762 (0,533)	-0,747 (0,519)
Россия-4	-11,893^{***} (2,983)	-11,670^{***} (3,300)	-13,701^{***} (3,167)	-1,566 (1,796)	-2,668 (1,870)	-3,913^{**} (1,887)
ЗП-соотношение		-0,031 (0,102)	-0,016 (0,094)		0,018 (0,058)	0,025 (0,056)
Столица-уст.развитие		19,167 (15,998)	18,227 (15,533)		7,800 (9,062)	3,320 (8,996)
Регион-режим			-0,861^{***} (0,320)			-0,460^{**} (0,190)
Столица-выбор-мэр			-5,071^{**} (2,329)			-0,248 (1,522)
Constant	1,316 (4,061)	-10,578 (13,714)	-6,236 (13,044)	1,752 (2,445)	-5,828 (7,768)	-1,768 (7,737)
Adjusted R-square	0,246	0,392	0,399	0,099	0,102	0,153
N	79	72	72	79	72	72
Significance	*p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01					

Они показывают, что гипотеза о влиянии структуры центров на специфику голосования в региональных столицах за партию власти и ее кандидатов подтверждается лишь частично. Во всех моделях позитивное и статистически значимое воздействие оказывает Периферия-сел. Увеличение доли сельского населения на периферии на 1% дает прирост ЕР-разн от 0,2 до 0,25 п.п. Вместе с тем коэффициенты других индикаторов структуры центров не вполне соответствуют ожиданиям. Доля столицы в населении

региона имеет положительный знак, но статистическую значимость приобретает только в Модели 3. Периферия-100гор имеет, как и ожидалось, отрицательные коэффициенты, но они статистически незначимы. В принципе, это соответствует идее Н.В. Зубаревич о том, что данная категория городов не обладает существенным модернизационным потенциалом. Вместе с тем и предиктор Круп-города не показал статистической значимости, так что социально-экономические основания структуры центров оказываются не слишком значимыми с точки зрения воздействия на специфику голосования столиц. Действительно, среди регионов, у которых самые низкие значения показателя Круп-города (от 0 до 2) обнаруживают не только ХМАО и Кемеровская область, где значения ЕР-разн, в соответствии ожиданиями, очень низкие (0,27% и 0,51%), но и ЯНАО, Вологодская область, где они выше среднего (17,89% и 11,30%). И, наоборот, в пятерке регионов с наивысшим значением Круп-города («6») не только Воронежская область, где ЕР-разн составляет 25,9%, но и Красноярский край (8,57%), Новосибирская область (всего 7,88%), Пермский край (5,58%).

Социально-экономические индикаторы показали противоположные коэффициенты: отрицательные у ЗП-соотношение и положительные у Столица-уст.развитие. Статистически они не значимы, но следует заметить, что в последнем случае они намного ближе к статистической значимости, чем в первом. Следовательно, высокие показатели устойчивого развития столицы (как центра) имеют слабую тенденцию увеличивать специфику голосования за ЕР, тогда как ЗП-соотношение – снижать, правда, очень слабо и статистически не значимо. Тем не менее это говорит о наличии следов экономической модели голосования в ее эгоцентрической версии, то есть более «благополучные столичные жители» склонны больше поддерживать партию власти.

Примечательно, что устойчивое негативное и статистически значимое влияние на ЕР-разн имеет принадлежность региона к *России-4*, она снижает разницу в голосовании за партию власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией на 11–13 п.п. Учитывая, что в среднем по регионам разница в голосовании за ЕР составляет около 10%, это означает, что в *России-4* ее фактически нет. Если же исключить регионы, принадлежащие к *России-4* из выборки, все остальные оценки модели остаются на прежнем уровне, а в ряде случаев даже улучшаются.

Что касается контрольных переменных, они продемонстрировали статистически значимое воздействие на *ЕР-разн*. Как и ожидалось, конкурентность регионального режима негативно воздействует на специфику голосования за ЕР в столичных городах. Выборность главы региональной столицы, напротив, показала противоположный ожиданиям результат. В столицах с выборными мэрами *ЕР-разн* снижается на 5 п.п. В какой-то мере это объясняется небольшим количеством случаев, где сохранялись выборы глав столичных городов. Тем не менее нельзя не заметить, что выборность мэра отнюдь не значит, что он находится в оппозиции региональной власти, тем более замечено, что в регионах с более жестким авторитаризмом у губернаторов нет особых стимулов менять сложившуюся институциональную структуру МСУ, поскольку они и так держат ситуацию под контролем. Это объясняет, например, почему выборность главы региональной столицы долгое время сохранялась в Кемеровской области (в настоящее время выборы главы Кемерово отменены). Кроме того, если даже избранный мэр столицы более автономен от губернатора, на федеральных выборах у него возникают дополнительные стимулы продемонстрировать лояльность партии власти, а возможностей у главы, имеющего собственный электоральный опыт, в этом плане даже больше, чем у «назначенного».

Модели с президентскими выборами показывают значительно меньшую объяснительную силу. Хотя направления влияния предикторов в этих моделях (за небольшими исключениями) такие же, значения коэффициентов существенно ниже даже в тех случаях, когда они имеют статистическую значимость. Так, увеличение Периферия-сел на 1% добавляет *Инк-разн* всего 0,1 п.п., что в 2 раза меньше, чем у *ЕР-разн*. *Россия-4* приобретает статистическую значимость только в третьей модели, при этом значение коэффициента в 3 раза ниже, чем в *ЕР-разн*. В 2 раза слабее и влияние конкурентности регионального политического режима. Намного ниже и общая оценка модели: значение скорректированного R-square составляет всего лишь 0,1–0,15 по сравнению с 0,25–0,4 в моделях с *ЕР-разн*. Все это еще раз подтверждает выводы предыдущих исследований, что голосование на президентских выборах в России существенно отличается от выборов Думы [Туровский, 2018; Blackburn, 2020]. Президентские выборы характеризуются значительно более персонифицированным голосованием, при этом

атрибуция ответственности за состояние экономики возлагается, как правило, на правительство и на «Единую Россию» как партию власти, но не на президента, которому, напротив, атрибутируются все основные достижения [Семенов, Шевцова, 2019; Sirotkina, Zavadskaya, 2020]. Все это приводит к тому, что различия в голосовании между широкими категориями избирателей, в том числе между жителями региональных столиц и периферии, в существенной мере нивелируются.

Выводы

Анализ специфики голосования за партию власти / кандидатов власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией под углом зрения концепции «центр – периферия» показывает, что структура центров в регионах России оказывает некоторое влияние на электоральный ландшафт субъектов РФ. Ключевое значение из всех параметров, характеризующих структуру центров, имеют степень рурализации периферии: чем больше доля сельского населения на периферии, тем больше различия в поддержке партии власти между столицей и периферией. Наличие на периферии больших городов и даже крупных экономических центров оказалось несущественным. Можно предположить, что это связано с тем, что традиционно в России не столько величина города, сколько столичный статус как таковой предполагает создание и развитие высших учебных заведений, театров, музеев и т.п., то есть явно связан с концентрацией человеческого капитала. Периферийные города России обделены этими благами, и даже развитые крупные социально-экономические центры, за отдельными исключениями, не в состоянии конкурировать со столицами в этом отношении.

Не слишком высокая объяснительная сила фактора структуры центров, впрочем, может быть вызвана тем, что имеющиеся показатели не в полной мере раскрывают такой сложный феномен, как структура отношений между центром и периферией. Кроме того, на различия в голосовании за партию власти / кандидатов власти в региональных столицах по сравнению с региональной периферией влияют и другие факторы. В частности, исследование показало, что существенное воздействие оказывает региональный

политический режим. Не следует недооценивать и влияние «экономического голосования», которое, действуя в противоположном направлении, сглаживает эффекты центр-периферийности. Наконец, очевидно, что на итоги голосования влияет множество ситуационных факторов, специфических для отдельных столиц и регионов, которые выявляются только в качественных исследованиях отдельных случаев.

Протестированные модели объясняют до 40% вариации в разнице голосования за «Единую Россию» между столицей и периферией. Голосование на президентских выборах в России намного более равномерное, чем на парламентских, и не только в кросс-региональном измерении, но и в рамках одного региона, в том числе между столицей и периферией. В результате на президентских выборах выявленные тенденции, в том числе воздействие структуры центров на специфику голосования столиц, сохраняются, но они значительно слабее, чем на парламентских.

P.V. Panov*

**The specificity of capital cities in the electoral landscape
of Russian regions: variability in the framework
of the «center-periphery» disposition¹**

Abstract. The special position of capital cities in the regional space is also reflected in the electoral sphere. As a rule, in the administrative centers of the subjects of the Russian Federation, the ruling party and its candidates receive less support than in the rest of the region («periphery»). At the same time, the degree of specificity of regional capitals in the electoral landscape of the regions turns out to be very different. In this paper, an attempt is made to explain this variability from the view of the concept of «center – periphery». The empirical data for the study was the federal elections of 2016–2018, namely the difference in voting for «United Russia» party and the incumbent between the capital cities and the periphery in the cross-regional dimension. To identify the structure of the centers in the region, the author used various socio-economic indicators characterizing the ratio of the capital and the periphery. The analysis employed the method of linear regression and showed that the degree of

* **Panov Petr**, Perm Federal Research Center, Ural Branch, Russian academy of sciences (Perm, Russia), e-mail: panov.petr@gmail.com

¹ The study was carried out within the framework of the state task; «Political institutions and processes in the modern territorial and socio-cultural context», the state registration № AAAA-A19-119032590065-5.

ruralization of the periphery and the status of the capital city as such exert a key influence on the specifics of voting in the capitals. The presence of large cities on the periphery turned out to be insignificant. The regional regime has a more significant influence on the degree of specificity of regional capitals in the electoral landscape of the regions. Voting in the presidential elections in Russia is much more even than in the parliamentary ones, and not only in the cross-regional dimension, but also within the same region, even between the capital and the periphery. As a result, the trends revealed are much weaker in the presidential elections than in the parliamentary ones.

Keywords: region; capital; center, periphery; elections; comparative analysis.

For citation: Panov P.V. The specificity of capital cities in the electoral landscape of Russian regions: variability in the framework of the «center-periphery» disposition. *Political science (RU)*. 2024, N 1, P. 76–97. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2024.01.03>

References

- Banfield E., Wilson J. *City politics*. Cambridge: Harvard university press, 1965, 362 p.
- Blackburn M. Political legitimacy in contemporary Russia ‘from below’: ‘Pro-Putin’ stances, the normative split and imagining two Russias. *Russian politics*. 2020, N 5, P. 52–80.
- Frye T., Reuter O. J., Szakonyi D. Political machines at work voter mobilization and electoral subversion in the workplace. *World politics*. 2014, N 2, P. 195–228.
- Gajvoronskij Y.O. Regional political regimes in Russia: conceptual novelties and applications. *Politiya*. 2015, N 2. P. 21–37. (In Russ.)
- Hicken A., Nathan N. Clientelism’s Red Herrings: dead ends and new directions in the study of nonprogrammatic politics. *Annual review of political science*. 2020, N 1, P. 277–94.
- Howard M., Roessler P. Liberalizing electoral outcomes in competitive authoritarian regimes. *American journal of political science*. 2006, N 2, P. 365–381.
- Jensen P., Justesen M. Poverty and vote buying: Survey-based evidence from Africa. *Electoral studies*. 2014, N 1, P. 220–232.
- Kaspe S.I. *Centers and hierarchies: spatial metaphors of power and the Western political form*. Moscow: MSPS, 2007, 320 p. (In Russ.)
- Kazancev K.I., Rumyantseva A.E. *From elections to appointment: the estimation of the effect of change of the model of management of municipalities in Russia*. Moscow: CPUR, 2020, 67 p. (In Russ.)
- Obydenkova A., Libman A. National autocratization and the survival of sub-national democracy: Evidence from Russia’s parliamentary elections of 2011. *Acta Politica*. 2013, N 4, P. 459–489.
- Panov P., Ross C. Volatility in electoral support for United Russia: cross-regional variations in Putin’s Electoral authoritarian regime. *Europe-Asia studies*. 2019, N 2, P. 268–289.
- Ravanilla N., Haim D., Hicken A. Brokers, Social networks, reciprocity and strategies of clientelism. *American journal of political science*. 2022, N 4, P. 795–812.

- Rokkan S., Urvin D. Territorial identity politics. *Logos*. 2003, N 6, P. 117–132. (In Russ.)
- Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national variations under electoral authoritarianism: the case of Russia. *Regional & federal studies*. 2019, N 3, P. 355–380.
- Saikkonen I. Variation in subnational electoral authoritarianism: evidence from the Russian Federation. *Democratization*. 2016, N 3, P. 437–458.
- Schaffer F.C. How effective is voter education? In: Schaffer F.C. (ed.). *Elections for sale: the causes and consequences of vote buying*. Boulder, Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2007, P. 223–252.
- Scott J. Corruption, Machine politics, and political change. *American political science review*. 1969, N 4, P. 1142–1158.
- Semenov A.V., Shevtcova I.K. Presidentialism and responsibility attribution for economic hardships in Russia. *Political science (RU)*. 2019, N 4, P. 195–215. (In Russ.)
- Shcherbak A.N., Sennikov E.V., Lisovskij T.A. Economic voting on 2011-2012 elections. *Bulletin of Perm University. Political science*. 2013, N 4, P. 168–183. (In Russ.)
- Sirotkina E., Zavadsкая M. When the party's over: political blame attribution under an electoral authoritarian regime. *Post-soviet affairs*. 2020, N 1, P. 37–60.
- Turovskij R.F. *Political geography*. Moscow; Smolensk: SSU Publication, 1999, 381 p. (In Russ.)
- Turovskij R.F., Gajvoronskij Y.O. The influence of economy on electoral behavior in Russia. *Politiya*. 2017, N 3, P. 42–61. (In Russ.)
- Turovsky R.F. Presidential elections in Russia: opportunities and limits of electoral consolidation. *Politiya*. 2018, N 2, P. 23–50. (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Cities as the centers of modernization. *Social sciences and modernity*. 2010, N 5, P. 5–19 (In Russ.)
- Zubarevich N.V. Social differentiation of regions and cities. *Pro et Contra*. 2012, N 3, P. 135–152 (In Russ.)

Литература на русском языке

- Гайворонский Ю.О. Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // *Полития*. – 2015. – № 2. – С. 21–37.
- Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации // *Общественные науки и современность*. – 2010. – № 5. – С. 5–19.
- Зубаревич Н.В. Социальная дифференциация регионов и городов // *Pro et Contra*. – 2012. – № 3. – С. 135–152.
- Казанцев К.И., Румянцева А.Е. От избрания к назначению. Оценка эффекта смены модели управления муниципалитетами в России. – М.: ЦПУР, 2020. – 67 с.
- Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 320 с.
- Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности // *Логос*. – 2003. – № 6. – С. 117–132.

- Семенов А.В., Шевцова И.К.* Президентализм и атрибуция ответственности за экономическое неблагополучие в России // *Политическая наука*. – 2019. – № 4. – С. 195–215.
- Туровский Р.Ф.* Политическая география. – М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. – 381 с.
- Туровский Р.Ф.* Президентские выборы в России: возможности и пределы электоральной консолидации // *Полития*. – 2018. – № 2. – С. 23–50.
- Туровский Р.Ф., Гайворонский Ю.О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России // *Полития*. – 2017. – № 3. – С. 42–61.
- Щербак А.Н., Сенников Е.В., Лисовский Т.А.* Экономическое голосование на выборах 2011–2012 гг. // *Вестник Пермского университета. Политология*. – 2013. – № 4. – С. 168–183.